

"сам у себя под стражей"

Сегодня исполняется сто лет со дня рождения Михаила Ивановича Царева, выдающегося русского актера, почти сорок лет стоявшего во главе Малого театра. Корреспонденту Газеты Артуру Соломонову о Михаиле Цареве рассказал народный артист России, актер Малого театра Виталий Коняев, который был знаком с Михаилом Ивановичем тридцать лет.

Газета - 2003 - 1 апр. - с. 13

100 лет Михаилу Цареву

Михаил Царев в роли Чацкого. Софья — Ирина Ликсо. «Горе от ума» (1938) Фото предоставлено Музеем Малого театра

Самая любимая роль Михаила Ивановича — это роль руководителя Малого театра. Он это обожал. Я однажды пришел в театр после отпуска и увидел Царева, ходившего по пустым полутемным коридорам Малого. «Михаил Иванович, что вы делаете здесь один?» Он ответил: «Сам у себя под стражей». И даже когда он уже был очень болен, после операции, коротко подстриженный, ходил по театру и прощался с ним.

Царев был очень мощной личностью, человеком, который очень тонко умел понимать актера, — он же до Малого театра много играл в провинции, играл у Мейерхольда. Кстати, про то время, когда он работал у него в театре, Царев не вспоминал никогда. А мейерхольдовец Игорь Ильинский имел к Михаилу Ивановичу претензии еще с тех пор, когда они вместе работали у Мейерхольда. Их конфликты были постоянными. И каждый год почти Игорь Ильинский и Борис Бабочкин, который тоже был с Царевым в непростых отношениях, подавали заявление об уходе. Михаил Иванович как человек мудрый эти заявления клал под сукно. Они спрашивали, когда же подпишут заявления, а он отвечал, что что-то

куда-то затерялось, документы куда-то делались... И ситуация постепенно нормализовалась, и Бабочкин с Ильинским оставались в театре — до следующего заявления.

А когда Царев на несколько лет перестал руководить Малым, новый директор театра взял и подписал эти заявления. И Бабочкин с Ильинским остались на улице. Ильинский пошел в Театр киноактера, Бабочкин стал сниматься. Но как только Михаил Иванович пришел снова в театр, он сразу же взял их обратно. Несмотря на конфронтации.

Если Царев любил — то любил, если не любил — то не любил. И тому, кого он не любил, приходилось плохо. И ненавидеть он умел. Вот тех людей, которые участвовали в его увольнении, просто не стало, когда он снова вернулся в театр. Не стало в театре — и все.

Кстати, была вот такая история со Смоктуновским. Он играл в спектакле «Царь Федор Иоаннович» и однажды пришел к Цареву и сказал: «Меня Ефремов приглашает работать во МХАТ, не позволите ли вы мне играть там разово». «Ну, пишите заявле-

ние». Прошел отпуск, все получили отпускные. Сбор труппы. Смоктуновский, как это часто бывало, немножко опоздал — легкие аплодисменты. А потом его вызывают в бухгалтерию: «Инокентий Михайлович, вы должны нашему театру вернуть отпускные». — «Почему?» — «Вы уволены с пятнадцатого июня». Реакция Смоктуновского была более чем бурная. Михаил Иванович обиды Малому театру не прощал.

Помню еще такую историю. Однажды мы приехали в Киев, у одного из актеров был день рождения. Мы все ждали, когда появится Михаил Иванович, специально купили для него бутылочку коньячку — он его любил. Вот он вышел на банкет, и — в пажаме. Говорит имениннику: «Дорогой мой, я хочу тебя поздравить с праздником. И — ближе к театру, а то расстанемся». Выпивает, закусывает и уходит. Так что он был натурой цельной — если любил, то, как говорится, не на шутку, а если нет — то и вид не делал, что относится хорошо.

Однажды наш специалист по гриму, очень хороший специалист и очень пьющий, снова ошибся и наклеил актеру усы не в нуж-

ное место, а чуть ли не на лоб! Был страшный скандал. А у нас появился новый заместитель Царева, Лев Александрович. И он его уволил. Все наши актеры, участники войны, во главе с Весником восстали и пошли к Цареву: «Как вы можете увольнять человека, который жизнь отдавал за нашу Родину! Мы за него встанем грудью!» Царев говорит: «И правильно, и вставайте грудью. Не волнуйтесь, я его уже уволил». — «Как?» — «Я уволил не его, а своего зама, Льва Александровича. Работайте спокойно». И, помню, кто-то к нему подошел и пожаловался: «Михаил Иванович, а сапожники-то пьют!» — «Ну а что бы вы делали, если бы были сапожником?»

И вдогонку история на ту же тему: однажды был банкет, к Цареву подходит молодой подвыпивший актер, хлопает его по плечу и интересуется: «О чем думаем, Михаил Иванович?» Ответ: «О том, как правильнее и скорее уволить вас из Малого театра». Тот протрезвел мгновенно.

Первая моя встреча с Царевым на сцене началась с убийства. Он меня убивал на сцене Малого театра. Когда я играл молодого Сиварда, он меня пронзал саблей, и я безропотно падал в какую-то яму. Потом мы встретились на спектакле «Оптимистическая трагедия». Все играли Вожак как бандюгу, а Михаил Иванович играл его намного сложнее, интеллигентнее, как они договаривались с режиссером Варпаховским, «из эсеров». А когда Царев играл Арбенина, я исполнял роль Звездича. И когда Царев швырял карты мне в лицо, у него были такие дикие, страшные глаза... Это нужно было видеть. От него шел какой-то ток. Мощные волны. А блистательные роли в спектаклях «Король Лир», «Перед заходом солнца»! Я в роли Клаузена видел и Николая Симонова, и Михаила Астангова, и Кирилла Лаврова, но впечатление от исполнения Царева — самое сильное! А стихи он читал великолепно. Конечно, это настоящее счастье, что я знал его, видел его мощную игру, был его партнером, учился у него.

А потом он стал болеть, и играть ему было все труднее. И, конечно, на закат такой мощной личности смотреть было больно. В одном из спектаклей, «Заговор Фиеско в Генуе», Царев должен был сказать фразу: «На коленях прошу тебя, сбрось этот пурпур». А он сказал: «На колюнях молюня, сгинь этот пурцур». Всем холодно стало. В финале спектакля мы вышли кланяться (Царев говорил обычно: «Пойдем унизимся перед публикой»), я спрашиваю, что это было, а он: «А в чем дело, милый мой?» И я понял, что это беда.

Однажды я был у него дома — конечно, все в этом доме было посвящено ему, оклеено афишами. У него замечательная жена (ныне вдова) Варвара Григорьевна, потрясающе тактичная. Она очень переживала, когда он уходил. Ей сейчас безумно трудно. Я звонил ей вчера, и она сказала, что не сможет поехать сегодня на кладбище, поскольку ей «уже много лет» — как истинная женщина цифры она не назвала.

А когда было десять лет со дня его смерти, я пришел навестить его могилу. Но забыл, где он похоронен, и просто пошел вперед. И напрямик вышел к его памятнику. И сегодня в десять утра мы будем с Эдуардом Марцевичем на его могиле, положим гвоздики.

Встреча с Михаилом Царевым (из воспоминаний редакции) 1.12.03